

Персиковый сад

как зарождается надежда
и как она умирает

Алексей Бородин

Алексей Бородкин

Персиковый сад

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Бородкин А. П.

Персиковый сад / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Меня всегда огорчало, что изобретение профессора Персикова (Владимира Ипатьевича) досадным образом сгинуло. Исчез "луч жизни". Пропал в анналах истории... (Или нет?) Ведь он был способен на многое. И в умелых руках... Об этом – читайте в рассказе. Новый век, новые люди, новые горизонты плюс удивительный луч Персикова. Фанфик в 6-ти частях по повести "Роковые яйца". С благодарностью к Михаилу Афанасьевичу Булгакову. В оформлении обложки использован фрагмент картины Валентина Серова "Девочка с персиками".

Содержание

Часть 1. Возвращение	5
Часть 2. Наука	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Часть 1. Возвращение

Перрон успокоился и притих. Михай Андреевич оглянулся из одного конца в другой – никого. Только вдалеке, почти неразличимый в сумерках, поблёскивал фонарик путейца. Выдохнули тормоза состава, захлопнулись двери, свет в вагонах схлопывался лампочка за лампочкой – поездам тоже нужен отдых.

Михай Андреевич воздел глаза к небу и увидел первую звезду. Венера – надежда пастухов и заблудших путников. "Надо бы поспешать", – подумал с лёгкой тревогой.

Михай Андреевич вышел на площадь перед вокзалами и оробел. Он совершенно позабыл, какая она – Москва. Стоял и чувствовал себя одиноким (таковым он, в сущности, и являлся), никому не нужным. Из зеркальной витрины уставилось тоскливое отражение. Взгляд съехал вниз, к измятым брюкам и поношенным ботинкам. "Ничего, Амихай, довольствуйся малым".

В гастрономе на углу купил бутылку вина "Красное крепкое" за рупь двадцать две. Купил лишь только по одной причине: за прилавком стояла крепкая черноволосая женщина с большими глазами и характерным носом с горбинкой. "Нельзя утверждать, что она еврейка, – подумал Михай, принимая бутылку, – однако верить можно. Верю силён человек".

Москва. Москва открывалась решительно иная, совсем не та из которой Михай Андреевич уезжал тридцать лет назад. Не та молоденькая кокотка с задорным дерзким характером, в шляпке "клош" и в чулках со стрелкой. Теперь это была роскошная красавица, незнакомка в шиншилях, чужая и неприступная, как Измаил. Предстояло немножко подружиться... О нет! О дружбе Амихай и не мечтал, он всего лишь надеялся отыскать маленький, укромный уголок, незаметный, такой, чтобы Третий Рим не отторг своего нового жителя.

Пристроиться, прижиться, найти возможности быть. Просто быть.

На небе вспыхнула ещё одна звезда, следом ещё. В сквере под пыльными тополями Михай увидел скамейку о двух бетонных тумбах и понял, что этот Новый Год он встретит здесь. Из дорожного чемоданчика достал ермолку (более напоминающую тубетейку), и прямоугольник белой ткани – талес. Кисточки на этом покрывале давно истрепались, а цветные линии выгорели и почти исчезли. "Но ты-то понимаешь, – Михай кольнул взглядом небо, – не в красоте линий дело. Важно, что у человека здесь", – коснулся груди.

Расстелил "Советский спорт", установил на него блюдце. Из жестяной баночки налил мёд, порезал яблоко. Приготовился.

– Хорошего года тебе, Амихай, – пожелал самому себе. – Года сладкого!

После этих слов следовало помолиться. Михай сделал строгое, слегка отрешенное лицо, покрыл голову талесом и сложил руки...

В уши проникал шум тополиных листьев, где-то цвиркнул потревоженный воробей. Молитва не шла. В голове крутились срамные мысли о том, что ночи теперь прохладные, что застудить поясницу проще простого. "Или схлопотать пневмонию, будь она не ладна! Да и спать на лавке, равно как пёс шелудивый не пристало... Ох! О чём я думаю? Господи избавь меня от мыслей суетных..." Михай вздохнул так глубоко и печально, как вздыхал разве что Моисей, принимая на себя хлопоты за весь род иудейский.

В честь великого праздника, или вняв сердечной молитве (не той, что была произнесена, но той, что толклась в душе), или по какой-то иной, никому не известной, причине, Господь ответил своему рабу. От угла дома оторвался бумажный листок, его подхватило ветром, кубарем несколько раз перевернуло и принесло к ногам Михая.

"Сдаётся комната", – крупно написано в заголовке. Далее шел адрес (чуть меньшими буквами). Внизу мелко и нудно были перечислены требования к претенденту – эту часть Михай

пропустил. Не потому, что поленился читать, а потому что знал – всё происходит не так, как планируют люди, а потому глупо обращать внимание на их запросы.

Адрес показался смутно знакомым, во всяком случае, переулок располагался в центре... неподалёку. Это обстоятельство подтолкнуло Михая Андреевича свернуть "стол" и продолжить свой путь. "Если Господь делает намёки, – рассуждал человек, – почему я должен их игнорировать? Разве я самый бестолковый на земле?"

И переулок, и дом отыскались на удивление быстро. Всего дважды Михая пришлось возвращаться назад, один раз его заочно обматерили из подворотни, и однажды облаяла собака. Два последних происшествия можно считать одной неприятностью, ибо грех сквернословия един для всякой живой твари.

Вот дом, вот парадное. Михай вошел в тёмное чумное пространство и, нащупывая ногой ступени и касаясь рукой стены, поднялся на второй этаж. Дверь также обнаружилась на ощупь, ибо на втором этаже электрическая лампочка отсутствовала. Пальцы коснулись прохладного прямоугольника, Михай опознал в нём медную табличку, очевидно с фамилией хозяина, и счёл это вторым благим знаком. Он загадал, что если не переломает в темноте ног, и не скатится кубарем, то дело обязательно сладится. Остаться невредимым стало первым добрым знаком.

Часть 2. Наука

В окна жутко дуло. Через щели проникал хулиганистый уличный ветер и разгуливал по лаборатории без малейшего зазрения совести. Вести наблюдения в таких условиях было невыносимо: тропические жабы страдали, третьего дня издох нежный жемчужный аспид, тритоны жались друг к другу и дрожали, как безработные негры. С некоторым даже облегчением, Николай Альбертович (заведующий лабораторией, профессор) подумал, что всё окончилось. Лабораторию закрывали.

"И, слава богу! И очень хорошо! Прекрасно! Гори оно синем пламенем! Если вздумают продолжать эксперименты, пусть это делают без меня! Умываю руки!" В то утро раздражало всё. Включая любимого (и единственного) ученика.

Профессор прищурился, посмотрел на лысеющую макушку тридцатидвухлетнего негодяя, спросил демоническим тоном:

– Что?

Ученик сидел за письменным столом, старательно переписывал конспекты.

– Персиковские труды перекатываешь? – продолжил учитель, не меняя интонации. – Таким способом надеешься оставить след в науке? – Глаза профессора сузились в змеиные стрелки. – Не получится! Нет-с!

Профессор взял последний исписанный лист, мгновенно пробежал глазами.

– Так и есть! "Эмбриология пип", двадцать седьмой год, автор Персиков Владимир Ипатьевич. – Профессор потряс листочком, как обличительной скрижалью: – Сколько ты будешь позорить имя своего великого тёзки? А? Я хочу знать!

Ладонь профессора с грохотом опустилась на стол. Стопка бумаги покачнулась, будто сомневаясь, следует ли ей рассыпаться по полу, или уровень гнева для этого недостаточен.

Щёки Вовы Аспиранцева покрылись пятнами, глаза заволокло слезою. В сущности, это был добрый старательный учёный. Он щепетильно вёл записи, планомерно продвигался в экспериментах вперёд... до самого провала. Ему не хватало самой малости: чутья (этого божественного поводыря) и толики авантюризма. А именно эти качества отличают одарённого учёного от ремесленника-подёнщика.

Увидев слёзы, учитель смягчился.

– Ну... будет тебе, Владимир! – профессор погладил ученика по плечу. – Я вспылел, прости. А впрочем, теперь это не имеет значения. Нашу лабораторию закрывают. Н-да-с! Формулировка самая тривиальная: "За недостатком финансирования". Фью-ить! – профессор сделал рукой жест, напоминающий движение женских ног в кордебалете.

Вдоль стен стояли аквариумы, в них обитали подопытные земноводные. Присутствовали весьма занятные экземпляры. Профессор с тоской посмотрел на пятнистого древолаза, которого он добыл с огромным трудом и нервами.

– Ставку зарезали подчистую! Меня на пенсию, тебя...

Только в это мгновение профессор сообразил, что для Владимира Аспиранцева это катастрофа. Малоприспособленный учёный всю свою жизнь существовал за счёт голых гадов. И решительно ничего не умеет, кроме как наблюдать и делать записи.

"Ничего! Жизнь научит! – убедил себя профессор. – Он ещё молод. Разовьётся в полноценный организм".

Учитель хмыкнул и посоветовал ученику взять отпуск.

– Поезжай-ка ты в Крым.

– Зачем? – уточнил Аспиранцев.

– Во-первых, отдохнёшь, а во-вторых, переждёшь эту кутерьму. Они, – профессор категорически взмахнул указательным пальцем и ткнул им в потолок, – полагают, что государство может существовать без зоологии! – Голос понизился до шепота: – Так вот это – заблуждение!

Аспиранцев согласно потряс головою, и походил в этот момент на старую лошадь, которая слышала о живодёрне и согласна на всё, лишь только бы только отодвинуть от себя это слово. Володя спросил о земноводных, об оборудовании, о книгах – профессор махнул рукой: "Никому это не нужно. Гадов, вероятно, усыпят газом, а книги... бери, если что-то необходимо. Спишем... как-нибудь".

Заметив волнение в глазах ученика, профессор спросил, не собирается ли Володя продолжать исследования? На что получил высокопарный ответ, что Аспиранцев останется учёным до гробовой доски. И даже дальше!

– Не торопитесь с этим, голубчик! – уважительно откликнулся профессор. – Гробовые доски и прочая метафизика... В загробный мир не бывает опозданий.

И разрешил взять цейсовский микроскоп, под его личную ответственность.

Аспиранцев поблагодарил, собрал стопку книг, перевязал их бечевой. В деревянный ящик из-под винных бутылок, одолженный в гастрономе, уложил микроскоп и личные вещи. Уже из дверей, прощаясь, спросил о бюсте Павлова, что стоял на тумбочке у центрифуги.

– Бери, – махнул рукой профессор. – Один чёрт всё прахом пойдёт! А тебе он нужнее... продашь в трудную минуту.

Профессор сказал, что такой бюст на блошином рынке непременно дадут трёшницу. Непременно!

Дальнейшая судьба Аспиранцева сложилась точно так, как и предполагал профессор. Володя перетащил домой (он жил один в трёхкомнатной квартире по Чистому переулку) банки с подопытными жабами, настроил свет и подогрев. Квартира имела замечательно-герметические окна, а потому сквозняки не беспокоили живность. Около трёх месяцев он продолжал наблюдения и даже вскрыл двух вульгарных жаб, потом неожиданно для себя обнаружил, что деньги кончились, а источников пополнения нет. После трёх дней голодных раздумий, Аспиранцев решил сдавать одну из комнат, а чтобы пополнить обеденные суммы сегодня же продать бюст великого физиолога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.